

П. Г. Рогозный

Российская Православная Церковь и Первая мировая: трансформация религиозного восприятия и использование войны большевиками в антиклерикальной пропаганде после революции

Иван Павлович Ювачев, чей многотомный дневник недавно издали, был бывшим народовольцем. Его приговорили к смертной казни, замененной затем каторгой. В тюрьме он уверовал в Бога. Ювачев после своего обращения отличался феноменально сильной религиозностью. Он известен как отец писателя Даниила Хармса, кроме того, сам Ювачев был в свое время довольно продуктивным духовным публицистом, автором книги «Война и вера», вышедшей в 1915 г.¹ В том же году он записал в свой дневник такой диалог, состоявшийся в поезде в Нижегородской губернии между ним и неким военным чиновником с «университетским значком», доказывающим, что настоящая война — это авантюра, что зря влезли в бойню, и Германию нам не победить даже с экономической стороны. Он приводил пример, что «в Германии 12 000 инженеров, а у нас и 1000 нет. Там делают пушки и снаряды». Другими словами, инженер сомневался в победе и вообще нужности войны для России. Ювачев — горячий сторонник данной войны, по его словам, говорил, что «слава Богу, что у нас не делают ни пушек, ни снарядов. Благодаря этому с нами в союзе все ев-

ропейские державы против немцев. Из-за этого-то война идет, чтобы больше не воевать»². Не один Ювачев был такого мнения в этом споре в вагоне второго класса — вся публика, по его словам, была «за мной». Этот диалог показывает, насколько даже сильно религиозные люди были уверены в правильности мировой войны. «Мы воюем, чтобы больше не воевать».

Занимаясь ранней советской антицерковной пропагандой, я понял, что на втором месте по количеству и значимости обвинений со стороны новых властей в отношении церковных деятелей после «мздоимства» находилась поддержка «империалистической» войны³.

Действительно, активное участие православных, католиков и протестантов в военной пропаганде по обе стороны фронта общеизвестно. Однако, кажется, нигде больше, чем в бывшей Российской империи, официальная государственная Церковь не заплатила столь огромную цену за свою «империалистическую» позицию. Ценой тому стала потеря авторитета, и как следствие, уже в советское время, — последующая атеизация населения.

А начиналось все с консолидации: на короткое время война становится популярной во всех слоях общества не только в России, но и в Европе. Ее считали справедливой с обеих воюющих сторон. Активный противник войны с самого начала Ромен Роллан назовет этот, по его словам, «якобы» патриотизм «заразой кровавой ярости, от которой еще никто не устоял»⁴.

Поддержали войну своим творчеством и русские религиозные мыслители. Дань ей отдали такие разные личности, как Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, И. А. Ильин и др. Самое оригинальное обоснование «правды войны», как мне кажется, принадлежит Бердяеву, писавшему в августе 1914 г. в газете «Утро России», что задача страны нелегка: проявить «великую воинственность», но не во имя «завоевательной цели», так как ее нет. Только такую войну, когда нет никаких территориальных претензий, по мысли Бердяева, «понимает русский народ». Именно поэтому, по мнению религиозного философа, «народ не понял войны японской»⁵.

Церковь в лице ее руководства также войну всячески поддерживала. Например, епископ енисейский и красноярский Никон (Бессонов) заявил, что пойдет на фронт⁶. Похожее заявление сделали и другие иерархи. Некоторая часть духовенства даже готова была снять сан, чтобы оказаться на фронте⁷. Скорая победа казалась неизбежной. А викарий Киевской епархии епископ Никодим (Кротков) громадным тиражом выпустил листовку с красноречивым и показательным названием: «Иди на войну, как на зов Божий»⁸. Войну называли «Второй Отечественной» и даже «Великой Отечественной войной». В церковной прессе, как и в светской, сравнивали две войны. «Новая отечественная война заставляет отыскивать параллели к народному настроению в прошлом»⁹. Правда от Отечественной войны 1812 г. новая война отличалась тем, что на страну

никто не нападал, и это подспудно отмечалось. Автор статьи об «отечественных войнах» замечал, что ныне «новый Голиаф движет свои полчища к пределам нашего отечества»¹⁰. В этом смысле более точно обоснование войны дано в официальном обращении Святейшего синода. Война всегда «живущего по заветам Христа Спасителя <...> в мире со всеми народами» народа русского представлялась «защитой братьев по вере» и возможностью «постоять за славу нашего царя и за честь и величие Родины»¹¹.

Религиозное обоснование войны было отчасти традиционно. «Одни воюют за Христа и его божественную литургию, а другие против Христа и литургии». «Современная война — это борьба света с тьмой». Солдат идет на бой, «как к причастию, несет свои знамена на Голгофу, как Христос свой крест»¹². Иногда церковное обоснование женатому мужчине идти на войну могло показаться странным и циничным: «...война может быть полезна и для домашней семейной жизни человека»¹³.

Библейские цитаты в военной пропаганде того времени присутствовали повсеместно. Можно даже сказать, что вся военная пропаганда с обеих сторон была буквально пропитана Библией. «Воюй против них, доколе не уничтожишь их» (1 Цар. 15: 18). «Ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня» (Пс. 17: 40). Сложней было обосновать войну со ссылками на Новый Завет, казалось бы, резко антивоенный, но и тут находили цитаты: «Не мир Я принес, но меч» (Мф. 10: 34), «Продай одежду свою и купи меч» (Лк. 25: 35).

Как бы подтверждением справедливости войны, того, что Бог «на нашей стороне», должны были служить многочисленные религиозные видения на войне. Причем видения Божьей Матери и Иисуса Христа или святых фиксировались с обеих противоборствующих сторон. И с российской, и с немецкой или австро-венгерской сторон многим представлялось, что силы добра благословляют их на «справедливую войну». Если говорить о русских видениях, наиболее известно явление Божьей Матери близ города Августов в Польше в 1914 г. Святейший синод благословил чествования и написания икон в честь этого явления. Тип иконы получил наименование «Августовская икона Божьей Матери», и этот образ разошелся по Российской империи в многочисленных списках, гравюрах и открытках¹⁴. Конечно, религиозный фактор был в данном мировом конфликте несравнимо мал по сравнению с войнами средневековья, но все равно служил важным фактором мобилизации общества.

Интересно отметить, что, как пишет современный исследователь, Германия в общественном мнении и пропаганде могла изображаться «зачастую как новая языческая держава», а «языческие амулеты, которые находили на убитых немецких солдатах, служили для пропаганды достаточным доказательством немецкого язычества»¹⁵. И то, что русские солдаты везли с собой на фронт иконы, кресты, считалось «доказательством их христианских убеждений в противоположность языческим амулетам немцев»¹⁶. Начавшаяся война ознаменовалась

также сильными антинемецкими настроениями в обществе, которые затронули также и Церковь даже в лице ее руководства¹⁷.

Известный черносотенный деятель Н. Е. Марков говорил, что война идет не с «Австро-Германией», а с «Иудо-Германией», и считал, что знаменитая немецкая надпись на военной форме (которая была и в годы Первой мировой войны) «С нами Бог» значит «бог иудейский, бог талмуда»¹⁸. Целиком пропагандистскими были и выступления церковных деятелей. Такой полный официальный часто затрудняет какой-либо анализ этих выступлений.

Впоследствии, уже в 1918 г., в своем самом непримиримо резком по отношению к властям обращении в связи с первой годовщиной Октябрьской революции патриарх Тихон писал, что «мы заменили внешнюю брань на еще более постыдную междоусобицу, братоубийство и классовую борьбу. И задыхаемся, и гибнем не столько от голода и холода, сколько от вражды, злобы и ненависти»¹⁹. Тут следует обратить внимание, что Первую мировую войну патриарх именуется «постыдной» — довольно редкое признание. Вообще духовенство в старой России, зависимое от государства, именуящего себя христианским, вынуждено было говорить то, что хотели услышать власти. Конечно, такую характеристику, пусть и косвенную, Первой мировой войне Тихон не мог произнести ни при царизме, ни при Временном правительстве. Можно сделать осторожное предположение, что только в период после падения власти Временного правительства и непризнания Церковью новой власти у Тихона появилась возможность сказать о войне то, что он думал о ней в реальности. Резко критическое отношение к войне начинают озвучивать на Поместном Собрании — там войну называют «преступной»²⁰.

Большевики, придя к власти, попытались силой захватить Александровскую лавру, Церковь ответила большевикам анафемой. На этот вызов власти отреагировали декретом «об отделении церкви от государства», который в первой публикации назывался декретом «о свободе совести». По этому документу Церковь как общественная организация лишалась прав юридического лица. Большевикам казалось, что, уничтожив Церковь юридически, следует добить ее идеологически. Причем дискредитация Церкви шла по двум направлениям. Первое — антиклерикальное и религиозное — провозглашало, что церковные служители забыли заветы великого миротворца Христа и призывали свою паству к войне, т. е. к убийству других людей. Такая пропаганда в основном была рассчитана на верующее крестьянство²¹.

Второе — секулярное и антицерковное, иногда переходящее в антирелигиозное. Говорилось, что Церковь всегда поддерживала царское правительство, даже если война была несправедливой и захватнической. Христианство из некогда религии бедных полностью превратилось в религию богатых и проповедует смирение и подчинение. Такая пропаганда была рассчитана в основном на рабочих. Следует отметить, что первое и второе направления пропаганды иногда пересекались. «Агитационная литература в гражданской классовой

войне в тысячу раз полезнее всяких бомб»²², — писал большевик А. И. Тарасов-Родионов в августе 1918 г. И, кажется, впоследствии исследователи называли советское государство пропагандистским вполне верно²³.

Сами же большевики были настроены очень серьезно. Церковные протесты против декрета, порой очень дерзкие и иногда кровавые, не поколебали решимости новой власти. 31 января 1918 г. центральная газета власти «Правда» опубликовала передовицу с говорящим заголовком: «Мы не пойдем в Каноссу». Для неосведомленного читателя разъяснялось, что «пойти в Каноссу» значит раскаяться «перед церковью». В статье сообщалось, что «пролетариат в Каноссу не ходит» и «видит в стане своих врагов и церковь». И своим декретом «об отделении церкви от государства» «советская власть положила начало обезвреживанию клерикализма», а святым отцам уже «грезится Каносса»²⁴.

Возникает закономерный вопрос: готовы ли были духовные лица на идеологический отпор антиклерикальной пропаганде? Каким образом показать крестьянству, что Церковь была вынуждена вести военную пропаганду? Как ответить и тем, кто оскорбляет святыни православия?

Среди церковных деятелей находились такие люди, которые были готовы принять вызов: например, член Высшего Церковного Совета епархиальный миссионер А. Г. Куляшев. В ноябре 1918 г. он направил патриарху письмо, где писал, что православная миссия «должна измениться в корне». Сейчас нужны не беседы с раскольниками о двуперстии, не с сектантами о иконопочитании, а требуется работа «исключительно в духе евангельского учения». Агитация неверия и «ругательств над Богом и над нашими святынями в городах и селах достигла крайних пределов». Этому неверию нужно противопоставить, считал Куляшев, грамотную контрпропаганду. «Народ желает, чтобы хулители его веры публично получали отпор от защитников православия. Религиозными вопросами заинтересованы народные массы». Куляшев считал, что показателем такого неравнодушия к вопросам веры могут служить многочисленные религиозные диспуты. «Мы переживаем острый и великий момент в религиозной жизни русского народа, — писал Куляшев, — и быть зрителем тут недопустимо». По его словам, на местах в епархиях «полная растерянность: не знают, с чего начать и как бороться с этим атеистическим шквалом»²⁵.

Интересно, что методы агитации, которые, по всей видимости, успешно использовали большевики, по мысли церковных деятелей из Миссионерского совета, должна использовать Церковь. Так, Миссионерский совет в своем заседании от 25 октября — 5 ноября 1918 г. постановил, что должны быть написаны «небольшие брошюры или листки», причем отмечалось, что привлечь к этому надо людей, знающих «современные запросы русской народной души». Такие брошюры, по мысли Совета, должны быть двух видов: для простого народа и для подготовленного и образованного читателя. Кроме того, надо обучить «целый ряд агитаторов-добровольцев, которые могли проникнуть в самую толщу народную»²⁶. Тут церковные деятели переходили на язык властей. Таким образом, по их мыс-

ли, Церковь должна разговаривать с народом понятным ему языком. И если для защиты своей веры люди находились, то вопрос об империалистической войне и церковной проповеди того времени ставил их в тупик. Старое объяснение о том, за что воевало население во время мировой войны, не действовало.

В марте 1919 г. Куляшев сделал доклад в присутствии патриарха «о безотлагательности реформ в Русской Церкви». По его мнению, «Константиновская эпоха²⁷ для русской Церкви закончилась»²⁸. Теперь у государства и Церкви разные интересы и цели. Все предыдущие мероприятия были рассчитаны, по его словам, «на более благоприятное положение Церкви. В настоящее время действуют иные факторы». Современное состояние православного народа Куляшев называл «язычеством»²⁹. Конечно, о том, что отчасти сама Церковь в прошлом культивировала это язычество, призывая убивать «врагов государства», сказано не было.

В заключение можно констатировать, что одним из факторов, дискредитирующих Церковь, была поддержка ею мировой или, в терминологии новой власти, «империалистической войны». Большевики умело использовали это обстоятельство в своей антицерковной пропаганде. Церковь упрекали в лицемерии. Она призывала к войне — значит, она призывала к убийствам. Большевистская пропаганда говорила, что идти на фронт убивать простого немца или австрийца незачем, а надо сбросить иго надоевшего «своего буржуя». Другими словами, перевести империалистическую войну в гражданскую. И надо сказать, что такая пропаганда отчасти действовала.

Конечно, реальные ужасы Первой мировой были сильно дезавуированы пропагандой обеих противоборствующих сторон. Пропагандистский обман времени этой войны был столь силен³⁰, что значительная часть населения уже в другую мировую войну как у нас, и особенно в Европе, вначале не верила ни в реальные зверства нацистов, ни в лагеря смерти. И в этой пропаганде, по крайней мере в России, не последнюю роль сыграла Православная Церковь. Искренний и религиозно настроенный Ювачев, говоря, что «мы воюем, чтобы больше не воевать», не мог предположить, что именно данная война, получившая название Первой мировой, породит войну Вторую, которая по своим жестокостям значительно опередит первую.

¹ Ювачев И. П. Война и вера. Очерки всемирной войны 1914–1915 гг. Пг., 1915. По его словам, эта попытка взглянуть на войну «со стороны верующего человека» (с. 5). Хотя война еще продолжается, отмечает он, «нравственно мы уже победили. Как Иисус Христос, идя на распятие, говорит ученикам. Дерзайте: я победил мир» (с. 172). Вильгельма Ювачев считает антихристом, а его войска — «полчищами Гога и Магога» (с. 176).

² Ювачев И. П. Собрание дневников в десяти книгах. Кн. 7. (1915–1917). М., 2019. С. 18. Запись 25 мая / 5 июня 1915 г.

- ³ Вполне закономерно исследователи называют тенденциозной советскую литературу, посвященную участию Церкви в «империалистической войне». Однако тенденциозными были и книги, вышедшие до революции. Ср.: *Рункевич С. Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки. СПб., 1916. В последнее время популярным стало исследование всяческой благотворительности и пожертвований, в том числе духовных лиц, на войну. Однако за массой внушительных и мало что дающих исследователю цифр стоит иногда коррумпированность имперских и синодских чиновников, сколотивших на этих жертвованиях большие состояния. К вышедшей недавно монографии можно предъявить много претензий. См.: *Зима В. Ф.* Русская православная церковь в период Первой мировой войны. Саратов, 2023.
- ⁴ Антивоенная публицистика Романа Роллана собрана в книге статей того времени «Над схваткой». Про участие в войне служителей Церкви он писал: «Что же касается представителей церкви, священников, пасторов, епископов, — они тысячами идут в схватку исполнять с ружьем в руке божественный завет: “Не убий” и “Любите друг друга”. В каждом бюллетене о победе германских, австрийских или русских армий благодарят маршала бога...» (*Роллан Р.* Над схваткой (1914–1915). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Над_схваткой_\(1914-1915\)_](https://ru.wikisource.org/wiki/Над_схваткой_(1914-1915)_) (Роллан) (дата обращения: 12.04.2025)).
- ⁵ *Бердяев Н. А.* Война и возрождение // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. Публицистика. М., 1997. С. 247.
- ⁶ *Рогозный П. Г.* Вотчина епископа Никона. Енисейская епархия в 1913–1917 гг. // История повседневности: сборник научных работ. СПб., 2003. С. 109.
- ⁷ *Жукова Л. В.* Православная церковь на фронтах Первой мировой войны // Жукова Л. В. Военное духовенство в России в конце XIX — начале XX века: сборник статей. СПб., 2020. С. 140. Жукова указывает, что, «возможно, одной из причин такого добровольного порыва было пособие и ежемесечное содержание, которое значительно выше священнического оклада» (Там же).
- ⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Ст. 5. Д. 176. Л. 13 об. Судя по его письму в Синод, киевский викарий был одним из самых активных архиереев. Он постоянно ездил «с подарками» на фронт и выпустил 6 листовок своих обращений к солдатам (Там же. Л. 13–14).
- ⁹ Московский церковный голос. 1914. 6 августа.
- ¹⁰ *В. Д.* Отечественные войны // Московский церковный голос. 1914. 6 августа.
- ¹¹ Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 346–347.
- ¹² *Смоленский.* Всемирная война и гроб Господень. Одесса, 1916. С. 11; Божья нива. 1915. № 159. С. 94.
- ¹³ Церковные ведомости. 1914. № 38. С. 1640. Петроградский митрополит Владимир (Богоявленский) в своем поучении имел в виду, что, когда мужа возвратятся с войны, они будут более сердечно относиться к своим женам. Тогда, заканчивал митрополит, «война наша поистине послужит к нашему благу» (Там же. С. 1643).
- ¹⁴ См.: Заступничество Богородицы за русских воинов в великую войну. Августовская икона Божьей Матери. М., 2010.
- ¹⁵ *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // П. А. Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 761–762.
- ¹⁶ Там же. С. 264.
- ¹⁷ Например, обер-прокурор Святейшего синода В. К. Саблер сменил свою фамилию как похожую на немецкую на фамилию Десятовский (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 577).
- ¹⁸ *Иванов А. А.* Вождь черной реакции. Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 332. Впоследствии уже в эмиграции Марков был сторонником Гитлера и приветствовал в 1941 г. вторжение в СССР (Там же. С. 582–623).
- ¹⁹ Слово на Рождество Христово. 25 декабря 1918 г. / 7 января 1919 г. // «В годину гнева Божия...». Послание, слова и речи Патриарха Тихона. М., 2009. С. 218.

- ²⁰ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Т. 7. Кн. 1. С. 60. Так, священник В. И. Востоков сетовал, что, к сожалению, против этой «преступной войны представители Церкви, и православной, и католической, и лютеранской, не возвысили голоса» (Там же).
- ²¹ Примеры таких пропагандистских книжечек и брошюр см.: *Данилов С.* Черное воинство (Отделение церкви от государства. — Борьба монахов против народа). М., 1918; *Бляхин П.* Долой чертей, долой богов! Долой монахов и попов! Кострома, 1920. И как квинтэссенция взгляда на тему «война и религия» см.: *Кандидов Б. П.* Церковный фронт в годы Первой мировой войны. М., 1929.
- ²² Письмо А. И. Тарасова-Родионова в Петроградское бюро ЦК РКП(б) о своей поездке в Сибирь через линию фронта. 27 августа 1918 г. // Историко-географический журнал. 2023. № 3 (т. 2). С. 149.
- ²³ *Голубев А. В.* Крестьянские слухи и толки: источник или предмет исследования? (На примере внешнеполитических представлений 1920-х гг.) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 303.
- ²⁴ *Степанов В. В.* Мы не пойдем в Каноссу // Правда. 1918. 13 февраля (31 января).
- ²⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 62. Л. 6 — 6 об.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ В данном случае Куляшев имел в виду римского императора Константина. Считалось, что при нем христианство стало господствующей религией. Слово сочетание «Константиновская эпоха» стало нарицательным и означало то время, когда власть всячески благоприятствует христианству.
- ²⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 22. Л. 135.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Так, например, будущий патриарх, а в 1915 г. архиепископ литовский говорил в поучении, что немецкие сестры милосердия выкалывают у пленных офицеров глаза (*Тихон (Затекин), архимандрит.* Святитель Тихон Патриарх Московский и всея России. Жизнь и подвиг. Нижний Новгород, 2018. С. 270). Причем Тихон говорил, что об этом прочитал в прессе.

References

Bairau, D. Fantazii i videniya v gody Pervoi mirovoi voiny: pravoslavnoe voennoe dukhovenstvo na sluzhbe Vere, Tsaryu i Otechestvu [Fancies and Visions during the First World War: Orthodox Clergy in the Service of Faith, Tsar and Fatherland. In Russ.]. In Zakharova, L. G., Mironenko, S. V., Emmons, T. (eds.). *Petr Andreevich Zaionchkovskii: Sbornik statei i vospominanii k stoletiyu istorika*. Moscow, ROSSPEN, 2008. P. 761–762.

Golubev, A. V. Krest'yanskie slukhi i tolki: istochnik ili predmet issledovaniya? (Na primere vneshnepolicheskikh predstavlenii 1920-kh gg.) [Peasant rumors and gossip: the source or object of study? (On the example of foreign policy ideas of the 1920s.). In Russ.]. In *Ezhedodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 2012. No. 1, pp. 301–313.

Ivanov, A. A. *Vozhd' chernoi reaktzii. Nikolai Evgen'evich Markov* [Leader of the Black Reaction: Nikolai Evgen'evich Markov. In Russ.]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2023. 639 p.

Tikhon (Zatekin), arhimandrit. *Svyatitel' Tikhon, Patriarkh Moskovskii i vseya Rossii. Zhizn' i podvig* [The Saint Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia. Life and Feat. In Russ.]. Nizhnii Novgorod, 2018. 1024 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. Г. Рогозный. Российская Православная Церковь и Первая мировая: трансформация религиозного восприятия и использование войны большевиками в антиклерикальной пропаганде после революции // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 142–150

Аннотация: Российская Православная Церковь полностью поддержала Российскую империю, вступившую в войну, которую впоследствии назовут Первой мировой. Следует отметить, что война рассматривалась в том числе Церковью как отечественная. Однако вскоре первый патриотический подъем прошел, и страна оказалась втянута в тяжелую окопную борьбу. Когда в 1917 г. большевики пришли к власти, они рассматривали Церковь как идеологического противника, и одним из главных тезисов антиклерикальной пропаганды левых партий была поддержка Церковью «кровопролитной империалистической войны». Церковь обвинялась в нарушении основных христианских постулатов и заповедей. Такая пропаганда, особенно на крестьянскую массу, остававшуюся религиозной, действовала очень эффективно. Попытки Церкви и религиозной общественности ответить большевикам и вообще левым партиям контрпропагандой в целом окончились неудачно.

Ключевые слова: Российская Православная Церковь, Первая мировая война, пропаганда, антиклерикализм, большевики, крестьяне.

FOR CITATION

P. G. Rogozny. The Russian Orthodox Church and the First World War: The Transformation of Religious Perception and the Use of War by the Bolsheviks in Anti-Clerical Propaganda after the Revolution // Petersburg Historical Journal, no 3, 2025, pp. 142–150

Abstract: The Russian Orthodox Church provided unwavering support to the Russian Empire, which subsequently entered the war that would subsequently be designated the First World War. It is noteworthy that the Church regarded the war as a patriotic undertaking, among other considerations. However, the initial surge of patriotism was soon superseded by the onset of a challenging period of trench warfare. Upon assuming power in 1917, the Bolsheviks regarded the Church as an ideological adversary. A primary tenet of the left-wing parties' anti-clerical propaganda asserted that the Church endorsed the "bloody imperialist war". The ecclesiastical institution in question was accused of violating fundamental Christian tenets and commandments. This propaganda had a significant impact on the peasant masses, who predominantly adhered to religious beliefs. The endeavours of the Church and the religious community to respond to the Bolsheviks and left-wing parties in general, through the use of counter-propaganda, have largely been unsuccessful.

Key words: Russian Orthodox Church, World War I, propaganda, anticlericalism, Bolsheviks, peasants.

Автор: **Рогозный, Павел Геннадьевич** — к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Rogozny, Pavel Gennadievich** — Cand. of Historical Sci., Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: rorozny@yandex.ru